

INSPIRIA

ВОЗРАСТ ЕЛЕНА КРЕЧМАН СОГЛАСИЯ

18+

INSPIRIA

Елена Кречман
Возраст согласия
Серия «Loft. Автофикшн»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69281554
Возраст согласия: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-199673-4*

Аннотация

Атмосферная история «Лолиты» из Петербурга нулевых понравится фанатам книг «Моя темная Ванесса», «Райский сад первой любви», «Сезон отравленных плодов».

Ксюша забегает в одну из желтоглазых панелек на окраине Петербурга. Там она живет с матерью – вроде бы, любящей и доброй, но временами срывающейся в алкогольную пропасть. Ксюша ходит в школу, пытается дружить, да все не с теми.

Кто она? Наша соседка? Знакомая? Подруга?

Однажды в ее жизни появляется Юра, он женат и старше ее на несколько десятков лет. Довольно быстро Ксюшу засасывает в топкое болото страхов и зависимостей. Обернутся ли эти чувства истинной любовью или же так и останутся попыткой заместить фигурой Юры зияющую дыру на месте отца?

«Непрерывная дихотомия между детством и сексуальностью создаёт пронзительное чувство того, что девочку постепенно

целиком вытесняет женщина. Это одновременно очень страшная и нежная книжка о совсем не каноническом взрослении в эпоху нулевых». – *Люба Макаревская, писательница*

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Предисловие	10
Глава 1. Лола	18
Глава 2. Тарзанка	39
Глава 3. Тачки	48
Глава 4. Песня о желании	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Елена Кречман

Возраст согласия

© Кречман Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*** * ***

ВОЗРАСТ
ЕЛЕНА КРЕЧМАН
СОГЛАСИЯ

INSPIRIA

Москва
2024

Посвящается «таким» девочкам

Предисловие

Современные родители часто жалуются на своих детей-подростков: сидит все время в компьютере или в телефоне, на улицу лишний раз не выгонишь, вместо книжек – сплошные чаты, мемы и компьютерные игры, вот мы в их возрасте... А что, собственно, «мы» в таком возрасте – то есть двадцать-тридцать лет назад? Свою версию тинейджерского досуга конца 1990-х – начала 2000-х предлагает Елена Кречман в романе «Возраст согласия» – предельно откровенной, а иногда и шокирующей истории влюбленности семнадцатилетней Ксении в женатого дядьку «под пятьдесят». Влюбленности вовсе не платонической, а самой что ни на есть реализованной бурной страсти. При всех обескураживающих подробностях и при сопутствующем таким отношениям непрерывном вранье, манипуляциях, подлостях и прочих малосимпатичных чувствах и ситуациях подобные романы вовсе не являются чем-то из ряда вон выходящим: в юности такие истории слышали почти все девушки – почти у каждой была подружка, соседка, одноклассница или кто-нибудь еще, влюбленная в мужчину, годящегося в отцы. Причем диапазон проявлений подобного чувства был достаточно широк – от обожания поп-звезды или артиста, тайных вздыханий по харизматичному учителю до собственно любовной истории со взрослым человеком, чрева-

той многими этическими, психологическими и житейскими проблемами, травмирующими многих юных героинь на всю жизнь.

В «Возрасте согласия» Елене Кречман удастся рассказать о чувствах и похождениях юной героини не с позиции жертвы – мужчины, окружения, общества и его установок, – а подробно и остроумно показать, как именно завязываются такие отношения, на чем они основываются, как развиваются и чем заканчиваются. Елена фиксирует каждую мысль и эмоцию своей героини, обстоятельства свиданий, ссор и примирений. И делает это не с позиции взрослого человека, сознающего бесперспективность, а возможно, и опасность подобной связи для психики и здоровья или даже ее криминальный характер, а вместе со своей героиней проходит весь путь от осознания ею своего интереса к мужчинам «на три жизни старше» до понимания бесконечности и беспредметности настоящей любви. Любви, служащей источником радости и вдохновения в не особенно веселом и комфортном течении повседневной жизни.

Как я уже отмечала, Елена Кречман не видит в Ксении жертву, она наделяет ее субъектностью, делает эмоционально равноправной участницей отношений с почти пятидесятилетним Ю. Более того, о таких отношениях Ксения мечтает. «Моя Лолита», – шептал замороженный Гумберт, отравленный сладостным ядом желания. «Моя Лолита», – вторю я, замороженная его жгучим желанием. «Найду ли я сво-

его Гумберта?» – размышляет двенадцатилетняя Ксения, прочитав случайно найденный в материнской библиотеке роман Владимира Набокова. Однако, как бы многочисленным поборникам морали ни хотелось обвинить в дальнейших событиях в жизни Ксении не вовремя прочитанную книгу, дело вовсе не в ней, а в общем устройстве жизни героини и ее матери – принципиально-романтической матери-одиночки, у которой много тяжелой работы, мало денег, да еще и проблемы с алкоголем: «Я знала, что на нынешней работе маме тяжело. Она с самого утра до позднего вечера сидела в маленькой будочке, заставленной бутылками с пивом и водкой, увешанной блоками сигарет. Развернуться негде, обслуживай весь день алкашей. На обрывках от этих блоков она часто писала мне милые записки. Иногда даже со стишками или рисунками больших улыбающихся китов и тигров». Мать и дочь очень близки, но им явно не хватает других людей – тех, с кем можно смотреть и обсуждать арт-хаусные фильмы, ездить на шашлыки и гулять с собакой. «Кто скажет, как живет тихая, пьющая женщина со своим ребенком, никому не видимая в однокомнатной квартире», – пишет о таких семьях Людмила Петрушевская в рассказе «Страна». Конечно, мать Ксении всеми силами пытается раздвинуть рамки этого замкнутого мира, но появление в нем новых людей приносит мало радости. Все они, включая родственников, оказываются либо пьяницами «с необычайным нюхом на водку», которую открывают на столе, ли-

бо мелкими развратниками, не упускающими возможности вступить в какие-то отношения с матерью Ксении или как-то «по-особенному» прикоснуться к взрослеющей девочке. Некоторые, впрочем, не стремятся совмещать приставания к матери с развратными действиями в отношении дочери. При этом, несмотря на всю близость, мать и дочь не могут поделиться друг с другом переживаниями по этому поводу, и Ксения узнает о внутреннем мире и чувствах матери, только случайно найдя ее дневник, в котором объясняется и тайна ее рождения, и ее сложное мироощущение.

А мир Ксения действительно воспринимает непросто: «Мне требовалась защита от мира, в котором я не находила союзников. Я хотела научиться только одному – притворяться, что я такая же, как все. Что меня интересуют только подробности чужого секса, выпивка, слухи про звезд, последствия катастроф, сигареты, искусство нанесения косметики, деньги. До какой-то степени меня действительно все это интересовало. Но совсем не глубоко. Скрытым оставалось вечное ощущение отчуждения от других, любовь к литературе, болезненное восприятие алкоголизма матери, влечение ко взрослым мужчинам, явление тигра в самые неподходящие моменты». Разумеется, в какой-то степени что-то подобное чувствует каждый подросток, но в случае Ксении отчуждение усугубляется ее склонностью к самоанализу и написанию текстов. Она записывает свои мысли с раннего детства, пишет письма неюному возлюбленному, которому пы-

тается объяснить свои чувства и поступки. Однако летящий на волне сексуального влечения пятидесятилетний кавалер, спасибо, что хотя бы благодарит юную возлюбленную за доверие, но не делает ничего, чтобы изменить ее жизнь или хотя бы образ мыслей к лучшему. Не считать же в самом деле улучшением жизни дорогой подарок – мобильный телефон, который вскоре превращается в средство отслеживания и манипуляции. Влюбленная пара даже почти не разговаривает, ограничиваясь лишь любовным лепетом и скандалами из ревности. В общем, Ю. нет особого дела до того, как Ксения живет, – стареющий мужчина просто пытается продлить мгновение, когда секс еще получается и почти бесплатен.

Однако и Ксения старается как можно дольше удержаться на гребне страсти: это защищает ее от окружающего убожества – скучной учебы, глупых простоватых подружек, еще менее внимательных, чем Ю., ухажеров, подросткового пьянства и наркотиков. Словом, роман с Ю. помогает ей пережить нелепость и беспомощность переходного возраста. А как только Ксении исполняется восемнадцать, она находит более или менее приемлемую работу и компанию со схожими интересами, потребность в Ю. не без страданий и труда, но растворяется в повседневных заботах и новом, уже взрослом понимании мира и человеческих отношений.

То же самое происходит и с героиней романа Наталии Медведевой «Мама, я жулика люблю», который невозможно не упомянуть в контексте разговора о «Возрасте согласия».

Но если героиня Медведевой – пятнадцатилетняя школьница, в начале 1970-х закрутившаяся в сложных, нервных, перенасыщенных сексом и мелким криминалом отношениях со взрослым фарцовщиком, – всеми силами выражает протест против окружающей действительности: неудовлетворенной жизнью матери, идеологических установок школы, советского ханжества, творящегося на всех уровнях – от хозяйки дачных домиков у моря до пациенток гинекологической больницы, то Ксения у Елены Кречман просто выживает в той реальности, которую предлагают ей поздние 1990-е – ранние 2000-е, приметы которой Елена фиксирует с тем же отсутствием виктимности и с той же дотошностью и остроумием, что и чувства героини.

Описание быта и нравов конца девяностых–начала нулевых вообще приятный бонус этой книги, вызывающий одновременно ностальгию и удивление разряда «а что, так можно было?», «так действительно было?». «Вспоминаю один эпизод. Мне шесть. Мы с соседским мальчиком сидим у него на кухне, гипнотизируем бутылку темно-зеленого стекла.

– Хочешь пива? – спрашивает он. – Очень вкусно. Смотри, еще немного осталось.

Как-то мы уже пробовали хрустящие звездочки кошачьего корма, и они оказались вполне ничего, поэтому у меня нет причин не доверять ему.

Я взяла бутылку в руки, открыла рот и брызнула на язык несколько капель. Потом долго отплевывалась под его ве-

сельный смех». Сейчас такие эксперименты шестилетних детей становятся событиями криминальной хроники и предметом пристального внимания органов опеки, в те же времена вряд ли кто-то увидел бы в этом что-то особенное. Так же как в подростковом курении, мелком городском автостопе и лайфхаках вроде этого: «Наташкины родители давали деньги не только учителям, но и ей. Поэтому она могла покупать сигареты и алкоголь. В любом ларьке работала незатейливая мантра: “Это для папы”».

Подростки поколения Елены Кречман и ее героини Ксении были чрезвычайно самостоятельны и изобретательны. Легко общались с самыми разными людьми и чувствовали себя в пятимиллионном городе как на собственной кухне, а иногда даже свободнее. Рано ощущали себя взрослыми и способными к трудным решениям и серьезным чувствам, редко кого-то или чего-то боялись, потому что верили в собственную неуязвимость – к сожалению, часто напрасно: немногим удалось не только выжить, но и, как Елене Кречман, написать об этом хорошую книгу, которую интересно читать и при этом совершенно не желать своим детям таких приключений. Пусть лучше играют в компьютерные, а не взрослые игры.

Аглая Топорова

*Как огонь покрыт дымом, зеркало – пылью,
а зародыш – чревом, так и живые существа,*

каждое в разной степени, покрыты возжелением.
Бхагавад-Гита, 3.38

Глава 1. Лола

Когда мне исполнилось двенадцать лет, я поняла, что меня привлекают мужчины на три жизни старше. Это случилось не внезапно. Просто кое-что произошло на даче у моей подруги Лизы. Внимательно препарируя прошлое, я вижу, что это, в общем-то, мелкое событие не стало главной причиной моих любовных предпочтений, но более ярко проявилось их.

Лизина дача – небольшой деревянный домик с кухней и комнатой. Желтая краска сходит с наружных стен ломтями. Внутри в дождь течет с потолка – подставляем тазы. Дынь-дынь-дынь. За водой с привкусом песка надо идти с ведрами на колонку минут десять. От Питера два часа мимо полей, лесов и борщевиков. Они стоят вдоль дороги, покачивая тяжелыми головами так, словно вот-вот шагнут на асфальт.

– Кажется, из них мы в детстве делали трубки, чтобы стрелять горошинками, – предполагаю я.

– Да ну, не может быть, это очень ядовитое растение, – сомневается мама.

Скорее ваши планы на вечер – ядовитые, думаю я, но ничего не говорю. За рулем бежевых «Жигулей» косматый дядя Слава, рядом с ним – крепко сбитая тетя Надя с красноватым лицом, в которое вставлены небольшие глазки. Это

родители Лизки. Они наверняка спрятали в сумках бутылки со жгучей водой.

Моя мама, молодая женщина небольшого роста, сидит рядом с нами сзади. Волосы у нее коротко подстрижены, на лице легкий макияж. Иногда она напоминает маленькую удивленную девочку с большими темно-синими глазами. Но когда выпьет, сквозь любимое лицо проступают пугающие старушечьи черты: веки набухают, уголки губ и подбородок опускаются вниз, словно их тянут невидимые пальцы. В такие моменты я стараюсь не смотреть на нее.

Мы въезжаем на участок, разрезая глухую темноту бледными фарами. Выходим из машины и останавливаемся: трава по колено, в небе россыпь ярких звезд. Мама напоминает тете Наде:

– Помнишь, недавно видели за городом Млечный Путь? Такой яркий, с ума можно сойти!

Тетя Надя в ответ что-то хмыкает. Однажды она выставила меня полной дурой. Я рассказала ей, как мама поднялась на Эльбрус и смотрела на облака сверху.

– Ну и бред! – хохотала тетя Надя. – Надо же такое придумать! Может, она еще на облаках летала, а?

Я тогда на нее страшно обиделась.

Мама и тетя Надя распространяли по квартирам биокорректоры для здоровья, «кольца любви», продлевающие половые утехы, и так называемые кремлевские таблетки от всего. Выезжали в небольшие города, разбросанные по Ле-

нобласти, и часто возвращались домой затемно. Иногда, если не успевали на электрички, которые ходили черт-те как, ночевали на обшарпанных станциях.

Мама изо всех сил старалась заработать. В суровые годы засовывала высшее образование куда подальше и шла уборщицей на склад или продавщицей в ларек к «азерам». Несколько лет она стояла на раздаче в столовой для шоферов. Расплатилась за кооперативную квартиру, но потом все равно влезла в долги.

Живем мы бедно. Одноклассники иногда смеются надо мной, все-то они знают: «Ты на завтрак, обед и ужин жуешь только макароны с кетчупом!»

Пока мы с Лизкой, отмахиваясь от комаров, топчемся по темной шуршащей траве, взрослые заходят в дом. Он оживает, озаряется охристым светом, и мы бежим внутрь. Нас быстро кормят бутербродами с чаем и укладывают в одну постель.

Между комнатой и кухней окно, затянутое белым кружевом занавески. Сквозь него просачиваются кривые отпечатки теней, взрывы смеха и перезвон стаканов. Мы пугаем друг друга историями о Пиковой даме, пока меня не начинает тошнить. Я и вправду верю: Пиковая дама явится, если, глядя в зеркало, призвать ее три раза. А потом будет сдавливать горло холодными пальцами, пока не задохнешься.

Лизка горячо шепчет мне на ухо свой сон, в котором ее папа превращался в рогатого монстра. Что-то неясное пля-

шет по стенам комнаты. Темнота растягивается резиновым полотном, наша постель раскачивается, словно лодка.

Я вспоминаю, как прошлым летом мама решила покатать меня по озеру.

Теплые волны мягко набегали на узкую полоску пляжа, деревья задумчиво клонились к сверкающей воде, пели птички, и жужжали пчелки – пасторальная картинка с открытки. Мама поймала лодочника и посадила меня в синюю лодку. Но как только качающаяся посуда поплыла к центру озера, раздался пронзительный крик. Я всегда была тихим, удобным ребенком и обожала воду. Но в тот раз была абсолютно уверена, что меня выбросит за шатающийся деревянный бок прямо на глубину, где поджидают акулы-каракулы. Они откусят мне руки-ноги, а останки окажутся на дне и будут пугать рыб.

И теперь, ночью, мне казалось, что на кухне сидят не наши родители, а смешливые чудища, решающие, кого выбрать на закуску первым.

Скрипит пол, вот они уже идут! Я вся облита чем-то липким и с силой сжимаю подушку. Вспоминаю маленькую картинку из иностранного журнала: в комнату заглядывает мерзкая помесь крокодила с драконом. У окна, укрывшись занавеской, стоят перепуганные дети, только ноги торчат. Найдет ли оно их?

– Да вроде спят уже, – раздается голос, хоть и отравленный алкогольными парами, но вполне узнаваемый. Это моя

мама зашла проверить нас. Все наконец затихает, и я действительно засыпаю.

На рассвете две соседние постели все еще пусты, поэтому мы тихонько заглядываем в кухню из-за угла. Там что-то происходит. Посреди груды бесчувственных тел кто-то лихорадочно копошится.

Мы внимательно вглядываемся: это похотливый Пан – по крайней мере, я его себе так представляла, как только прочитала о нем в одной из маминых книжек, – шерстяными руками хватает белые груди тети Нади, выкатывая их наружу из разреза кофточки, мнет и жадно присасывается к коричневым распухшим соскам, пока она постанывает во сне. Мы быстро и тихо заползаем обратно в комнату. Фух, кажется, он нас не заметил.

А что, если он придет за нами, как Пиковая дама, и задушит? Мы снова ложимся в постель и обнимаемся. Тихо лежим, пока родители не проснутся. Тогда чудища ночи будут окончательно изгнаны, а по дому разнесется заманчивый запах еды. Реальность, которая казалась призрачной и зыбкой, окончательно затвердеет.

Днем загадочный Пан обернулся дядей Андреем. Это небольшого роста, седой, обильно волосатый человек с блеклыми глазами и цепким взглядом. Живет на соседней улице, и у него, похоже, звериный нюх. Как только родители открывают на кухне бутылку водки, он сразу появляется на пороге.

Мы с Лизкой занимаемся разными детскими глупостя-

ми. Например, вырезаем из дешевой газетки голубые круги, заряженные на раскрытие третьего глаза: «Положите его под подушку и думайте о тех способностях, которые хотите приобрести». Я мечтаю читать чужие мысли, а Лизка грезит о шапке-невидимке.

Но пока способностей мы не обрели и просто ловим резвых ящерок. Одна потеряла хвост и попала в банку. Но вскоре мы сжалились и выпустили ее на волю.

Лизке нравится Бэтмен. Она всюду таскает его большую фигурку с рельефными мышцами на груди. Даже когда мы забираемся в чужие огороды и жрем там розовый крыжовник, выплевывая кислую кожуру. Или соревнуемся с соседскими детьми, кто страшнее всех закатит глаза.

Однажды нам стало ужасно скучно. Небо разбрасывало вниз серо-жемчужный свет, с соседнего участка доносились томные аккорды «Девочки» «Мумий Тролля». Пахло свежестью, смешанной с приторным ароматом жасмина. Лизка еще в прошлый раз заприметила симпатичного парня, и мы бродили по деревне, надеясь встретить его. Шлепали босиком по мягкому песку, обходя козьи колобки и вскрикивая, когда в стопы впивались маленькие камушки. Но вместо парня наткнулись на дядю Андрея.

– О, девчонки, привет! Заходите в гости! – радуется он.

Его взгляд заставляет меня съежиться. Пока я обдумываю план побега, Лизка говорит «пошли», и, держась за руки, мы входим в дом.

Внутри пахнет чем-то прелым и нечистым – такой запах исходит от маминого халата, когда она не снимает его несколько запойных дней. В комнате дяди Андрея висит картина с собаками: они сидят за столом, обитым зеленым сукном, и азартно играют в карты. За печкой узкая кровать, застеленная покрывалом с вышитым оленем. В кухне круглый стол и три стула с облезшим лаком. На столе большой нож. В его широком лезвии мутно отражаются кроны садовых деревьев.

Лизкины родители обожают ужасы. Дома у них большой набор видеокассет с разными «Куклами» и «Техасскими резнями бензопилой» – я быстро ухожу домой, когда они ставят их при мне. И целые стопки журналов про маньяков, которые едят детей и режут женщин, – их я, преодолевая отвращение, читаю. В одном из таких жутких журнальчиков я видела похожий нож. Он был в ярких пятнах крови.

– Садитесь, – говорит дядя Андрей, – сейчас наложу вам картошки.

Он ставит перед нами тарелки. Мне совсем не хочется есть. Картошка холодными комками застревает в горле. Мне чудится в ее вкусе что-то старое и пыльное, как обволакивающий нас воздух. Поскорей бы выйти на теплую улицу. Что ему вообще от нас надо?

– Доедай картошку, – говорит Пан, участливо глядя на меня. Из его ноздрей и ушей торчат седые волоски. Лизка сидит рядом и как ни в чем не бывало глотает эту гадость. На-

силие едой в детском саду – вот на что похожа наша вынужденная трапеза. Там тоже упорно заставляли есть, когда ты не мог проглотить ни кусочка.

– У меня живот болит, мне домой надо, – хнычу я, делая скорбное лицо.

Дядя Андрей внимательно смотрит на меня. Его светло-голубые глаза отдают желтизной.

– Ладно.

Соглашается! Неужели свобода? Еще одну ложку. Хорошо, постараюсь.

Я засовываю в рот картошку и выскакиваю из-за стола. Когда мы с Лизкой идем на пруд, я выплевываю ее в ближайший куст.

– Натуральный маньяк, – говорю, – не удивлюсь, если у него в запертой комнате хранятся трупы невинных девочек.

– Да чего ты взъелась? – рассеянno недоумевает Лизка, грызя большой палец. Она уже и забыла, что он делал с ее мамой.

Кажется, я одна смотрю на реальность как бы через содранную кожу, которая постоянно саднит и ноет. Даже на теплой, вкусно пахнущей улице мне сложно перестать думать о закрытой двери в доме дяди Андрея.

Мы сидели на влажном песке. У самого берега, вихляя телами, скользили мелкие рыбешки. Я рассеянno чертила палочкой на песке, пока меня не вывел из этого состояния Лиз-

кин крик:

– Смотри, это же он!

Вдалеке по улице двигалась фигура. Это был парень, о котором рассказывала мне Лизка. На вид лет двадцать, светлые волосы до плеч. Мы пошли за ним, как иголки за магнитом. По дороге нервно хихикали, хватая друг друга за руки и держа за волосы. Мы были словно охотники, бегущие за дичью, но при этом оставались двумя мелкими девчонками в футболочках с мультяшками и коротких джинсовых шортиках. Лизка поделилась со мной половинкой подтаявшей банановой жвачки Love is. Мы исступленно жевали ее, ловя плечами лучи солнца, выныривающего из серого тумана облаков.

Парень вдруг свернул с широкой дороги на узкую тропку, что скромно пряталась между плотных кустов. Идти рядом мы теперь не могли. В какой-то момент Лизка наступила на какую-то колючку и завопила.

– Тише ты! – шикнула я на нее.

Он скрылся за поворотом, и мы поспешили вперед. Казалось, упустим. Но нет. Парень стоял там, и мы чуть с ним не столкнулись. Он смотрел на нас:

– Вы что, за мной идете?

Наши обычно болтливые языки, кажется, онемели, прилипнув к зубам. Но все-таки я сказала неожиданно вызывающим тоном:

– Да, все так.

Как ни странно, он не уходил и не растворялся в воздухе,

словно видение, а продолжал стоять и с любопытством нас разглядывать:

– А зачем, можно узнать?

– Хотели познакомиться.

Отвечаю все время я, потому что Лизка нашла самое интересное занятие в мире – разглядывать пыльные пальцы на ногах.

– Да? – удивляется парень. У него приятные черты лица. Он похож на Курта Кобейна. – Ну хорошо, познакомимся. Меня зовут Вадим. И что дальше?

Лизка, похоже, вышла из комы:

– Я – Лиза, а это Ксения. Просто ты нам нравишься. Мы думали, что могли бы погулять вместе.

У него теплая улыбка, как будто солнце гладит по лицу.

– Хорошо, но я сейчас занят. Давайте встретимся завтра у магазина в шесть вечера. Придете?

– Да, конечно, – говорим мы одновременно.

– Ок, тогда до встречи.

Мы стояли, молча глядя друг на друга, пока вдруг не начали ржать как сумасшедшие. В кустах тем временем собирались темно-синие тени, поэтому мы спешим на участок, перекаывая его имя на языке: Ва-ди-м. Теперь кажется, что песок под ногами стал нежным – нет в нем больше камешков, веточек и колючек. Я вижу его впервые, но Лизке он нравится уже давно. И я рада, что нам удалось пообщаться.

Родители поставили перед домом перекошенный стол.

Вместо скамейки бросили рядом обрубков. Из черного магнитофона то задорно орал батяня-комбат, то грустно струился дым сигарет с ментолом. Звенели граненые стаканы, что-то нарезалось и накалывалось на вилки, шла беседа. Смех плыл над столом теплым облаком.

Даже дядя Андрей казался не таким уж противным. И когда дядя Слава глухо командовал: «Попляшите, девочки!» — мы, словно в припадке, размахивали руками, трясли ногами и высовывали языки.

Когда взрослые пошли в деревенский магазин за добавкой, мы напросились с ними. И бегали, то обгоняя основную процессию, то отставая от нее, пьянея от сладкой прохлады воздуха. Взрослые вручили нам чупа-чупсы, упакованные в зеленые монстрообразные головы с рожками на веревочке. Они ухмылялись и светились в темноте. Мы бегали с этими головами вдоль канав и сосали «чупики», радуясь, что этот день все никак не заканчивается.

Вернулись на участок в густой темноте. Мамы весело и споро собрали все со стола и перенесли в дом, а дядя Слава ловил нас в траве, как вертких кузнечиков. Мы неутомимо носились, задыхаясь сладким ужасом, пока он не поймал нас своими большими мускулистыми ручищами. Лизка, заорав: «Папка,пусти!», ловко вывернулась и побежала к дому, а я осталась: одинокая, плотно прижатая к его необъятному телу. Неожиданно оказалось, что я сижу на его широких коленях — он присел на поваленное дерево, держа меня

в объятиях.

И его большое небритое лицо, от которого пахло кислым виноградом, приблизилось к моему. Как наждачкой, царапнуло щетиной. А потом там, на нежной моей щеке, где только что кололо, стало влажно и тепло. И сквозь неловкость, мучительное стеснение, сквозь страх от своей хрупкости пробилось неожиданное ощущение – оно входило в сердце сладкой иглой, – мне хотелось поскорее вырваться и вместе с тем навсегда остаться в этих тесных объятиях. Но тут Лизка с крыльца заорала:

– Ксенька, ну где ты потерялась? Идешь?

Он оставил еще один поцелуй на моей щеке, а потом руки-змеи обмякли, я выскользнула, словно маленькая рыбка, и понеслась к дому.

Через четыре года я вспомню это сладостное ощущение, когда встречу Ю. И смогу наконец поцеловать колючую щеку в ответ.

* * *

Весь день мы пытались силой мысли толкать стрелки в клацающих настенных часах. Безуспешно. Время ползло мухой, глупо увязшей в сахарном сиропе.

Мы сходили за водой на колонку. Убрались на кухне. Повалялись в траве. Почитали книжки. Поссорились, выясняя, чья игрушка лучше. Лизка обозвала моего любимого плю-

шевого котенка Пушка уродцем, а я в ответ назвала ее Бэтмена лохом, хотя он втайне мне очень нравился. Потом помирились. В пять были полностью готовы. Долго выбирали, что надеть, но в итоге напялили короткие топики и одинаковые льняные шорты.

Я часто воображала, как мы живем вместе. Тетя Надя непонятным образом исчезает, а мы с мамой переселяемся на квартиру к дяде Славе.

Мы сидели на кровати, и длинные светлые волосы Лизки щекотали мои плечи, пока мы рассматривали «Кул герл». У меня аккуратное каре – всегда ненавидела расчесываться. Иногда я украдкой легонько поглаживаю Лизины волосы. Глаза ее, как ночные озера, – загадочные и глубокие. А мои – голубые с коричневыми брызгами вокруг зрачка. Иногда, на солнце, они меняют цвет и становятся зелеными. Но ее глаза всегда темны. Иногда я завидую этой сумеречной темноте.

– Ты знаешь, хочу тебе кое-что рассказать. Меня это немного беспокоит...

– Да? Расскажи.

– Ладно, потом, сейчас времени нет. Слушай, я у мамки помаду стащила. Давай накрасим губы!

Лизка достает из кармана черный тюбик. В ее тонких пальцах он распадается на две половинки, и карамельный аромат красной линией скользит по губам. Я тоже стараюсь вести аккуратно, но помада все равно выходит за кончики

губ. Недовольно вытираю ее и смотрю на красные пятна, что расплзлись по тыльной стороне ладони. Лизка улыбается. Уже полшестого.

Мы выходим из дома. Стараемся идти медленно и важно, но все равно странно подпрыгиваем, словно у нас внутри спрятаны невидимые пружинки. Такие я частенько обнаруживала в своих игрушках, вскрывая их жесткие брюшки.

Когда мама приносила мне вожделенный самолет или машинку, я обычно играла с ними около двух дней. Потом меня начинало раздражать зудящее желание узнать, что скрывается под покровом тонкого металла или пластмассы. В результате оставалась горстка шестеренок, винтиков, пружинок и прочего мелкого мусора, из которого невозможно было собрать что-то дельное. Я хранила это «богатство» в отдельной коробке...

Солнце окрашивало воздух в медовые оттенки. Листья на деревьях подрагивали, когда ветерок шаловливо и нежно дул на них.

Ощущение было как в момент, когда вот-вот пробьет двенадцать и ты побежишь искать под елкой подарки – сладкий клубок восторга болтался где-то у меня в животе.

Мы пришли пораньше и заняли стратегическое положение на скамейке. Она стояла напротив магазина. Лизкины часики с Микки-Маусом показали ровно шесть часов. Но его не было.

– Я думаю, он сейчас подойдет, обязательно подойдет.

Блин, Ксень, я так волнуюсь. Как все это будет?

Лицо у Лизки стало светлым, словно загар вдруг обесцвятился. Там, где лямка топики упала с плеча, была видна белая полоска кожи с горсточкой родинок. И лицо ее стало, как эта нежная полоска.

Мой восторг перешел в противную мелкую дрожь. Поэтому я просто выдавила:

– Да, конечно, придет сейчас.

Мы заворуженно смотрели на скособоченный магазин, который глотал и выплевывал местных жителей. Вдруг он неожиданно выплюнул Вадима. Мы уже хотели поскакать навстречу. Но внезапно за ним вывалилась компания из трех девчонок и двух парней. В руках они держали пакеты, набитые большими баклажками пива и сосисками в квадратных пачках.

Вадим положил руку на плечо девушке с длинными черными волосами. Прикуривая, она о чем-то оживленно болтала с одним из парней. В ее ушах покачивались крупные блестящие серьги, а на груди красовался большой смайлик с перечеркнутыми глазами – символ группы Nirvana. Вадим что-то зашептал ей в ухо, светлые пряди упали на его слегка небритое лицо, и она передала ему зажженную сигарету. Он затаился и посмотрел на нас так, словно мы были частью скупого пейзажа.

На обратном пути Лизка ничего не говорила. Перед самым домом она подобрала палку и со всей силы начала сши-

бать цветочные головки на клумбе. Желтые и белые лепестки разлетались во все стороны.

Через пару дней после возвращения с дачи мне было нечем себя занять, Лиза уехала по делам. Поэтому я начала разгребать высокий книжный шкаф, набитый книгами в два ряда.

В первом – важно выстроилось собрание черных, как уголь, «Литературных памятников», загорелый Пушкин в десяти томах и целая куча тошнотворно-зеленоватых Достоевских, которых я складывала в аккуратные стопки на письменный стол. Во втором ряду скрывались плачущая белая маска, карандашный кот Бегемот, кричащие дети. Они держали кроващую свиную башку на палке, которая повелевала мухами. Я подолгу рассматривала эти обложки.

Но вот еще одна стопка выползла на свет из недр шкафа. Чихая острой пылью, летевшей с корешков, я вытерла слезящиеся глаза и прикоснулась к шероховатой зеленой обложке с золотистыми буквами.

Первая страница как удар по щеке, горячее вино из прошлогодних трав. «Она была Лолой». Как странно, это имя уже год живет в моих корявых записках. Их я размазываю в тетради широким неровным почерком. Поэтому я читаю дальше, продираясь сквозь замысловатый язык.

И хотя я сижу на широких квадратах паркета, согретого питерским солнцем, меня трясет от мелкого озноба. Пылинки тепло кружатся подле.

Я откладываю книгу и, покачиваясь, иду на кухню. Ноги забиты мелкими звездочками, которые загораются и тут же гаснут. Из крошечной «Бирюсы» достаю зеленоватый лимонад и пью долго, жадно, давясь ледяным привкусом химического киви. А потом хватаюсь за книгу и не отрываюсь от нее до самого вечера.

Когда все в доме замирает, мама ложится и мгновенно засыпает после тяжелого рабочего дня; я сижу у приоткрытого балкона, слушая тихие звуки ночи. Нежное бречание гитары, приглушенный смех, перемешанный с обрывками фраз. Безумная зелень деревьев под окном, плывущий в темном воздухе свежий аромат огурцов. Вдоль дороги стражниками тянутся оранжевые огни, насаженные на длинные палки. Белая дверь становится в их отблесках сине-желтой.

«Моя Лолита», – шептал замороженный Гумберт, отравленный сладостным ядом желания. «Моя Лолита», – вторю я, замороженная его жгучим желанием. Найду ли я своего Гумберта?

Иду в туалет с тетрадью под мышкой, сажусь на унитаз и записываю историю о Вадиме. Мы втроем идем по влажному асфальту, блестящему в лучах солнца, и весело смеемся. Дальше этого моя фантазия не простирается. Вадим слишком молод. Мне нравятся люди гораздо старше. Я просто хотела, чтобы Лизка была счастлива. Без меня она ни за что не пошла бы с ним гулять. Хотя глупо было надеяться, что он по-настоящему пойдет гулять с двумя малолетками.

Днем встречаюсь с Лизкой в детском садике. Все дети на дачах, поэтому мы одни бродим по его территории, обнесенной ржавой рабицей.

Сам садик – небольшое двухэтажное здание в виде двух скрепленных букв «П». Когда я туда ходила, то часто падала в обморок. Мама боялась, что это эпилепсия. Но обошлось.

– Слушай, – говорит Лизка, когда мы устраиваемся на обитом серой жестью парапете, – дома какой-то трындец. Мамка с папкой ссорятся. Она от этого дяди Андрея забеременела. Не зря ты его называла маньяком. Отец поставил условие: все будет как раньше, если она сделает аборт.

– А что такое аборт?

– Это когда ребенка вырезают из живота.

– Жуть какая, – морщусь я. Трудно представить, что дядя Слава мог такое потребовать.

– Блин, смотри, что эти карлицы понаписали! – отвлекается Лизка.

Мы смотрим на стену. Там черным маркером выведены слова песни «Сказочная тайга»: «Облака в небо спрятались, звезды пьяные смотрят вниз...» И внизу приписано: «АК – лучшая группа на свете! Глеб и Вадим, мы вас любим!» Это пишут две старшеклассницы. Они выглядят как близняшки: черные волосы до плеч, черные футболки с изображением любимой группы, глаза и губы, подведенные черным карандашом. Обычно мы пишем в ответ, что Глеб и Вадим уроды, а лучшая группа на свете – Scooter. Нам с Лизкой очень нра-

вится их фронтмен – платиновый блондин.

Но сейчас у меня нет с собой маркера, чтобы вымарать их слова, поэтому я просто корябаю надпись острым краем камешка. Маркер легко стирается с желтой глянцевой плитки.

– Ой, Ксень, смотри, что еще тут!

Лизка смотрит куда-то под ноги. Мне не сразу удастся понять, что там такое. Неподвижное, слеplенное с шершавой поверхностью и вместе с тем живое. Приглядевшись, понимаю – это контур полусгнившей птички, в которой лениво копошатся белые черви. Ее клювик недовольно приоткрыт.

– Боже, какая гадость!

В груди сдавило. Я отошла, сдерживая рвотные позывы. Меня трясло. Лизка заворуженно разглядывала птичку.

– В этом нет ничего неприятного. Чего ты так реагируешь?

Я отошла подальше, на небольшое поле. Мы там бежали с мячом, когда были малышами. Присела на теплый песок, из которого пробивались робкие желтоватые травинки, и стала машинально выдирать их правой рукой. Лизка подошла и села рядом:

– На даче я тебе хотела кое-что рассказать.

Я кивнула и стала рассматривать ее лицо. Темные глаза задумчиво смотрели на небо, укутанное в серое одеяло.

– Папа иногда подглядывает за мной в ванной. Он заходит, когда я моюсь. Типа за полотенцем или еще за чем. Поводы каждый раз достаточно дурацкие. Я его прогоняю, ру-

гаюсь, но он все равно это делает.

Я не знала, что сказать.

– Мне кажется, скоро произойдет что-то. Не с папой, а в целом... Не знаю. И вообще, я как-то разочаровалась в парнях. Не хочу иметь с ними никакого дела.

Мне внезапно захотелось рассказать ей о том, что навалилось на меня в последние дни. О том, как ее отец поцеловал меня, о Лолите, в которой я отчасти узнала себя. Но я промолчала.

Мы нарвали белых ягод с кустов, что росли вокруг садика, и давили их на асфальте, пока не надоело. Лопаясь, они издавали забавные хлопки...

Ночью мне стало плохо. Казалось, что я лежу на влажной земле. Оттуда выползали сотни белых червей. Они елозили на моих ногах, залезали в волосы и обустроивали там странные норы. Я била себя по голове, расчесывала кожу. Тихо хныкала в подушку и выкручивала пододеяльник, из которого мама вынула одеяло.

Иногда я смотрела на маленькие часы, стоявшие на книжной полке, и тогда они начинали оглушительно тикать. Но я никак не могла разобрать, сколько времени, – каждый раз стрелки растворялись и исчезали.

Я закрывала глаза – тьму рассекали мерцающие ярко-красные полосы. Она зеленела, наливалась силой – я видела деревья, в которых двигались красные и белые полосы. Они превратились в искаженную тигриную морду с откры-

той пастью. С обнаженных клыков струилась вода и падала вниз. Я тоже падала туда, пока не оказалась с головой погруженной в синюю воду. И Лизка была где-то рядом, мелькали ее светлые волосы, но никак было ее не догнать — тело мое лежало камнем. Я еле дышала. Утром оцепенение ушло. В комнату зашла мама и поцеловала меня в лоб. В такие моменты я была счастлива, что вижу ее трезвой.

— Ты как? Лоб вроде не горячий.

Я заверила ее, что все нормально, и она ушла на работу.

Лизу я больше не видела. Она уехала, даже не попрощавшись. Я спросила о ней маму, но она только отмахнулась. Меня долго мучило это странное исчезновение. Только через несколько лет я случайно узнаю об истинной его причине.

Осенью я сдружилась с Наташкой, и началась новая жизнь, которая привела меня к любви на тридцать лет старше.

Глава 2. Тарзанка

Одной ногой я опираюсь на деревянный помост, другую держу на педали велика. На его голубой раме застыли темные пятна ржавчины. Холодный ветер перебирает мои волосы и хлопает футболкой.

С вышки океан похож на плоский синий лист с белыми царапинами волн. От нее к самой воде уходит вниз узкая трасса.

Я глотаю солоноватый воздух.

Все замирает: и ветер, и мое прерывистое дыхание. Я собираюсь оттолкнуться ногой посильнее, а потом скатиться вниз. Но вдруг сбоку вижу черно-красно-белые полосы, огромную пушистую голову. На меня внимательно смотрят желтые глаза, а океан заслоняют крупные зеленые листья...

Я воображаю вышку по вечерам, когда не могу заснуть и лежу на постели, пронзенная невидимым столбом. Он тянется от самой земли, проходит сквозь мой живот и улетает в космос.

На соседнем диване обычно сопит мама, пудель Джим ковыряет опухшее ухо. Фары ночных машин вползают узкими лучами на потолок и, расширяясь, исчезают за окном.

Я закрываю глаза. Велик становится водным скутером, подпрыгивает на волнах. Мои волосы и лицо покрыты белыми брызгами пены.

Я вспоминаю об этом полете днем, когда гоблин-одноклассник тычет мне в бок острым карандашом и гнусаво шепчет: «Твой капюшон похож на горб». Но эта фантазия больше не приносит облегчения.

Мне тринадцать. Я боюсь неожиданных прикосновений, странных пятен на коже, громких звуков, будущих менструаций, дрочащих мужиков – один раз целый урок географии перед окнами расхаживал тип с бегающими глазками и мял свой вялый пенис. Учительница только ухмылялась и не звала никого, кто мог бы его прогнать. Мы тогда не знали, что это всего лишь жалкий эксгибиционист. И что он не порежет нас на куски, когда мы пойдем домой по грязной каше из снега и льда.

Боюсь, мама узнает, что я курила и материлась. Каждый вечер я пряталась от страхов в своем мире, но в тот раз произошло нечто странное. Появился тигр и чертовы листья. Может, дело в том, что я впервые напилась?

Вспоминаю один эпизод. Мне шесть. Мы с соседским мальчиком сидим у него на кухне, гипнотизируем бутылку темно-зеленого стекла.

– Хочешь пива? – спрашивает он. – Очень вкусно. Смотри, еще немного осталось.

Как-то мы уже пробовали хрустящие звездочки кошачьего корма, и они оказались вполне ничего, поэтому у меня нет причин не доверять ему.

Я взяла бутылку в руки, открыла рот и брызнула на язык

несколько капель. Потом долго отплеывалась под его веселый смех.

В тринадцать лет, в тот самый день, когда я потеряла способность представлять полет в океан, пиво показалось вкусным. Мы сидели у Наташки на длинной захламленной лоджии и передавали друг другу бутылку с золотистой жидкостью. Допив, закурили невзятяг ментоловый «Норд Стар», тупо пялясь на серые балконы соседних домов. Потом пошли на тарзанку. Мне казалось, что ноги почти не касаются выщербленного асфальта, что шел вдоль школы.

Мы подружились с Наташкой недавно. Осенью, когда деревья стояли с ног до головы в желтом, а листья нежно хрустели под ногами. После звонка я зашла в туалет с двумя лысыми унитазами. Наташка опиралась ногой на ободок и выдувала густой дым в провонявший хлоркой воздух.

– Не скажешь никому?

Она наклонилась к кожаному рюкзаку, стоявшему на разбитых плитках. Достала освежитель воздуха «от табачного дыма» и пару раз пшикнула в мою сторону. Ее круглые глаза внимательно меня изучали.

– Конечно нет, – ответила я.

После уроков за ржавыми гаражами я дрожащей рукой подносила к губам первую в жизни сигарету. Кашляла и нервно вертела головой по сторонам. В каждом прохожем мне чудились соседи или мамины знакомые. От никотина кружилась голова.

– Ничего, скоро научишься и кашлять перестанешь, – подбодрила Наташка. На ней была строгая юбка до колен, но она все равно ходила вразвалочку, как моряк, и на прошлой перемене уже пообещала кому-то вломить...

В этом году друзей в классе у Наташки не было. Училась она плохо, как и я, но это недоразумение искупали родители. Мама Наташки работала поваром в банке, папа – водолазом. В деньгах они не нуждались, в школу приходили исправно, а подарки подносили нестыдные, поэтому учителя Наташку не трогали. Тройки натягивали даже там, где и на ноль наскрести было нечем. У меня такого иммунитета не было. В школе доставалось за все. Даже за «отсутствующий вид».

– Ваша дочь на уроке как будто бродит по Луне, – жаловалась моей маме француженка – классная руководительница, встряхивая пергидрольными кудряшками и недовольно глядя густо подведенными глазами. В них часто лопались капилляры, окрашивая белки красным. В тот год маму часто вызывали в школу. Один раз ей показали мой дневник, запятнанный красными двойками. До этого момента я успешно подделывала ее подпись и говорила, что у меня все в порядке. Мама за это истязала меня молчанием три дня.

А потом ушла в запой на несколько дней, и это был единственный раз, когда я радовалась этому. Протрезвев, она забыла о назначенном мне наказании.

Наташкины родители давали деньги не только учителям, но и ей. Поэтому она могла покупать сигареты и алкоголь.

В любом ларьке работала незатейливая мантра: «Это для папы».

Тарзанка у школы была нашим любимым, если не единственным, развлечением. К громадной железной перекладине с лестницей в виде буквы «Л» привязаны брендспойты с палками. Перелетать лестницу было легко слева и довольно опасно справа.

Но под пивом я лезу на эту страшную лестницу, хватаю самую страшную для меня тарзанку. Волосы летят в разные стороны, ведь внизу опять океан, а я – на вышке. Мне кажется забавной шутка старшеклассника Лысого: «Мама, не жди меня к обеду! Передайте, что я любил ее борщ!» Однажды Наташка видела, как он в подъезде занимался любовью с местной красоткой.

Сжимая обеими руками брендспойт, вытертый кое-где добела, я отталкиваюсь от перекладины, лечу вниз и уже через мгновение болтаюсь вокруг столба расплющенной макарониной. Волосы прилипают к влажным щекам, метут по грубому розовому песку.

Боли нет, я кричу от восторга. Но, как часто бывает в нашем святом городе – черная туча резко наползает на небо, съедая жар и свет, так и в моей голове подобная туча мгновенно заслоняет собой сверкающее счастье.

Я извергаю теплую горечь изо рта, что еще мгновение назад светился улыбкой. Слезаю с тарзанки и медленно, поднимая невидимые гири на ногах, шаркаю домой. И нарочито

смотрю мимо учительницы, что идет мне навстречу.

Дома я падаю на кровать и долго смотрю в потолок, вспоминая прошедшее лето.

Я честно пыталась забыться, но вечером не смогла вернуться в свою любимую фантазию. Меня выгнал оттуда огромный тигр. Он еще часто будет являться мне.

* * *

Выпал первый снег. Наташка купила две голубые банки джин-тоники. Я пришла к ней с утра, соврав маме, что мне нужно на нулевой урок. За окном стояла холодная тьма, в которой вяло ковырялись утренние люди.

Желтый свет лампы падал в наши стаканы с горькой пузырящейся жидкостью. Один-два глотка, и спасительный туман окутал мою больную голову. Я иду в туалет по квадратным половикам, разбросанным по коридору. Первым уроком физика. Меня вызовут к доске, где я буду смотреть на все сквозь расфокусированную линзу и получу очередную двойку.

Вечером, мучаясь от головной боли и тошноты, я запишу все, что думаю о школе, в свою потертую тетрадь. Сначала запах: от него внутри все взбалтывается, словно хочет выпрыгнуть через рот. Как-то кусочек яблока я положила в формочку, полила водой и забыла на несколько дней. Вот похоже пахнет и сейчас: горько, тухло. Из-за этого я ничего не могу говорить и, словно рыба, смотрю вокруг. Но все

странно сжимается, видны лишь кусочки-клячки.

Змея розовым узлом лежит на чьей-то голове. Месиво из белого и черного – это мельтешит одежда, надетая на детские тела. Платье, передник, рубашка, туфли на ногах: топ-топ по полу, стало кисло во рту. Ходуном пол заходил-заходил, крутанулся да остановился.

И вот наконец нас ведут по длинной кишке из серо-зеленых стен, и все не кончается она, не кончается. Душит.

Дома мучительнее всего вспоминать даже не девчонские ленивые издевочки, а вот эти стены. Я узнала их как-то в фильме про концлагерь. Такие же.

Каждое утро как вхождение в воды Стикса. Про него я читала в книжке. Со многими иду, а потом втягиваюсь в темную синеву с горящими огнями.

Запах, что рождается в столовой, где большие женщины мешают зелья в огромных тусклых кастрюлях. Переворачивают раздутыми руками большие котлеты из ошметков рыб и животных. Вываливают серых слизняков на стыдливый фарфор тарелок и поливают коричневой жижей.

Жуй, не горюй.

Каждая трещинка серо-зеленых стен в сговоре с этим запахом, пропитана им.

Затем заходишь в класс. Стульчики в ряд, занозистые по краям, хватают за колготки, если зазеваешься. Плитки линялой кожей сползают с бетона. Пнешь такую, и поднимется серая пыль. Белый туман размазан по влажной зеленой дос-

ке. Мы стираем его холодной тряпкой, от которой подушечки пальцев скрипят.

«Звезда полынь», – говорит женщина днем, когда мы, мальчики и девочки, сидим, зажатые в пространстве между двумя колючими дзи-инь.

«Полынь – горькая трава», – говорит мама вечером, уютно и тепло обнимая меня.

«Мама, здесь все как полынь», – пишу я утром в тетрадку, испачканную солеными чернилами.

Даже пьяной, мне хватает ума не рассказывать Наташке, что я влюблена в охранника нашей школы. Ему лет сто или пятьдесят – не все ли равно. Явно слишком много. Я о нем ничего не знаю. Но каждый день тяну Наташку вниз, на первый этаж. Там, делая вид, что рассматриваю свое отражение в зеркале или выбираю календарик в маленькой лавке, на самом деле мельком разглядываю этого уставшего мужчину. Пытаюсь понять, почему меня так к нему тянет. Может быть, он втайне любит маленьких девочек?

В тот день мы решили продолжить бухать после уроков.

Под ногами мокрая каша. Наташкины родители уже пришли с работы. Поэтому я говорю:

– А пойдем в школу?

– Зачем это еще?

– Ну, просто прикольно же, прийти после уроков, когда никого нет.

Наташка смеется, ей нравится нарушать запреты. На ее кудрявых волосах, торчащих из-под черной шапки-носка, та-ет мокрый снег.

Я кидаю краткий взгляд на охранника, но он ничего нам не говорит. Заходим за угол и зажигаем сигареты. Курим, прохаживаясь по коридорам, даже не пытаюсь скрываться. Я почти надеюсь, что он придет. Но ему наплевать на двух малолеток. Школа пуста, как моя голова. Темнеет.

Тяну Наташку на пустырь напротив моих окон и ссорюсь с ней у приземистых кустиков, недружелюбно торчащих во все стороны. Летом мы с Лизой нашли там череп маленькой собачки. Он торчал из земли выбеленной костью. Мне становится еще хуже. Почему она уехала и даже не попрощалась?

Кажется, что все вокруг давит на меня: серые одинаковые дома, зло гудящие змеи проводов над головой, отяжелевшее от сырости небо.

Я ложусь в мокрый сугроб лицом вниз и кричу. Ем снег и, плаваясь в моем горячем нутре, он выходит наружу слезами. Наконец я встаю: вымокшая, растрепанная. Наташка давно ушла, устав от моей истерики. Нет никого вокруг меня. Нет никого для меня. Я одна. Поднимаюсь и иду домой.

Глава 3. Тачки

Иногда я уже с утра понимала, что день будет сложным. Это случалось, если меня встречал едкий запах сигаретного дыма, смешанного с легким оттенком сопревшего в организме спирта, а на соседней тахте сопело тело с опухшим лицом. Или я открывала кухонную белую дверь со слепой, изукрашенной геометрическими узорами стеклянной вставкой и разгоняла синие клубы дыма вокруг сидящей на стуле фигуры. Она обычно при этом булькала что-то невразумительное.

– Ксюха, сюда иди! Где ты там, а? Ну, Ксюшенька, ответь. Ну, детка. Ты мои сигареты не видела?

Если молчать, она будет продолжать. Я ненавижу, когда меня называют Ксюхой. И с трудом выношу ее пьяные интонации. Смятая пачка «Примы» торчит из застиранного кармана фиолетового пальто. Я запускаю туда пальцы – они погружаются во влажную табачную крошку. Вынимаю их и отряхиваю «улов» – сторублевую бумажку.

Она, покачиваясь, стоит, прислонившись к стенке в темном коридоре. Вытирает зеленые сопли тыльной стороной руки и ухмыляется сама себе. Вчера у нее был первый выходной. Я надеялась, что мы сходим в кино.

Надеялась.

«Домой возврата нет» и «Взгляни на дом свой, ангел» –

мои любимые названия книг в такие дни. Я захожу в комнату и смотрю на корешки книг, расставленных в коричневом шкафу. Первую я прочитала в восьмом классе, когда лежала дома, притворяясь больной. Сквозь желтые шторы нежно светило золотое зимнее солнце. Оно каталось по небу, полному синевы, а во рту перекатывались сладкие шайбочки мандариновых сосулек. Я почти ничего в романе не понимала, но все равно ощущала, что автор мне очень близок.

Затем морозными вечерами – они сурово щипали нос и щеки – я надевала по два колючих свитера под потертую коричневую курточку и выходила с мамой выгуливать собаку. По скрипящей снежной пыли мы шли на пустырь, растелившийся под гудящими проводами. Шли к черным металлическим скелетам электровышек.

Один из таких вечеров запомнился мне особо.

Неведомые прожекторы резали двумя линиями черно-синюю глыбу льда с блеклыми звездочками в глубине, пока мы маленькими глотками пили ледяной воздух. А потом, привыкнув к холоду, я бегала вместе с нашей отвязной черной псиной, часто дыша в шерстяные воротники. И с разбегу проваливалась по пояс в сугробы, наметенные на канавы. А Джим прыгал рядом, радостно гавкая и делая вид, что хочет схватить меня за куртку.

Когда я встала, вся белая, мама рассказала, как замерзают насмерть в снегах – просто засыпают, и все. Человеку становится жарко и уютно лежать в коконе из белого безмолвия.

Слушая ее, я проглотила сладкую жвачку, которую только начала разжевывать – она комком застряла в горле. И тут же всплыл другой кадр: я лежу рядом с мамой в комнате, слушаю, как она читает «Мэри Поппинс», и рассматриваю большой прозрачный чупа-чупс. В его глубине свернулась белая приторная мякоть.

Собака тявкает, наконец исхитрится схватить меня за рукав, и я возвращаюсь в реальность. Вдали, в черно-желтом миражном мареве, над высотками вырастают башенные краны. Они кажутся мне, зачарованной, мачтами волшебного корабля, на котором можно уплыть в совершенно иную реальность.

Уплыть туда, где нет места разочарованиям, а есть только сияющие моменты чистого счастья.

Я знала, что на нынешней работе маме тяжело. Она с самого утра до позднего вечера сидела в маленькой будочке, заставленной бутылками с пивом и водкой, увешанной блоками сигарет. Развернуться негде, обслуживай весь день алкашей. На обрывках от этих блоков она часто писала мне милые записки. Иногда даже со стишками или рисунками больших улыбающихся китов и тигров.

На работе ей приходилось засиживаться до одиннадцати вечера. Я очень живо представляла, как она бежала потом домой по пустынным улицам, заливаемым неверным оранжевым светом фонарей. Кусты, плотно сгрудившись в подобие шалашей, подозрительно шуршали и наверняка застав-

ляли ее вспоминать, как однажды, в молодости, из подобных кустов на нее выпрыгнул «уголовник». Он только-только вышел из тюрьмы и мечтал поскорее ощутить тепло женского тела. Под равнодушными окнами родного дома она два часа уговаривала не насиловать ее. Получилось.

Но теперь, в выходные, ее красивые синие глаза все чаще завлакивало дымкой, голос трескался и ломался, а все, что она говорила или делала, вызывало у меня отвращение.

Вот и в тот летний день, который перевернул мою жизнь, мне просто нужно было поскорее выйти из провонявшего дешевой водкой дома.

Я давно решила обрезать волосы и выкрасить их в красный. Мы с мамой в ее «хороший» день посмотрели «Беги, Лола, беги», и я влюбилась в яркую прическу Франки Потенте. Мама всегда разрешала мне экспериментировать с внешностью. Говорила: «Подлецу все к лицу». Правда, почти никакой цвет волос меня не портил. В четырнадцать лет я покрасилась в рыжий. В летнем лагере мальчишки называли меня муравьем, а вожатый из другого отряда – парень с прической, как у принца, – смотрел с нежностью.

Наташка рассказала, что недавно видела ярко-красную краску в магазинчике возле «Ладожской».

От самой станции метро змеились длинные рыночные ряды. Лотки с овощами и фруктами без предупреждения переходили в сочащиеся кровью вырезки и меланхоличные свиные головы, лежащие рядом с бежево-голубыми свиными но-

гами, ощеренными копытами. Эстафету перехватывали ярко-синие бакалейные палатки. Затем, через многие километры, ровные ряды со снедью заканчивались. Начинался лихой лабиринт с джунглями из одежд Abibas, HUGGO BOSS и застывшей в вечном прыжке пумой.

Как-то раз мы с Наташкой воровали на школьном базаре у метро тетрадки с изображениями Backstreet Boys, Ди Каприо и котиков. Аккуратно вытаскивали их из лотка, пока продавцы были заняты другими покупателями. Вечером мы с мамой выгуливали Джима в парке. Вечернее солнце золотило увядающую траву. Я сказала, что тетрадки нам купил Наташин дядя.

Мама обрадовалась: не придется тратить лишние деньги на сборы в школу.

Но сейчас мы шли в небольшой магазинчик, один из многих, что стоят белой линией вдоль шумного проспекта. Если перейти его и сесть на автобус или троллейбус, то через пятнадцать минут сможешь вырваться из объятий сонного гетто. После того как переедешь аскетичный мост Александра Невского, окажешься на Староневском проспекте. Это своего рода лимб, что предваряет настоящий центр. В этом лимбе водятся потомственные алкоголики с неестественно распухшими лицами. Они покупают в аптеке настойку боярышника, а потом испражняются посреди улицы – бесстыдные, как собаки. Но в центр мы не поедem. Денег у нас почти нет, и делать там абсолютно нечего.

Мы заходим в магазинчик. Дверь позвякивает «музыкой ветра». На полках за витринным стеклом выстроились пачки красок с разными цветами: салатовый, фиолетовый, глубокий синий. На пачке с цикламеном лицо девушки Ани, которая учится со мной в лицее. Эта красотка с крупными глазами и большими пухлыми губами редко появляется на занятиях. У нее низкий голос, щекочущий сердце, и открытая улыбка. Она красиво рисует цветы гелевыми ручками. На перекурах в узкой задымленной курилке на первом этаже мы обсуждаем с ней парней.

— Однажды занимались этим на ковре. Это ужас, у меня потом вся кожа на спине была красная.

Так рассказывала Аня, смеясь, пока я в ответ жаловалась на перипетии сексуальных игр на кухонном столе.

Когда наша одноклассница Юля пришла сдавать нормативы по машинописи с младенцем на руках, я шарахалась от этого явно инопланетного существа. Но Аня с радостью держала малыша на руках, пока Юля разбиралась с учебой. А потом повела меня в курилку и там призналась, что у нее недавно был выкидыш. В больших темных глазах стояли слезы. Она действительно хотела родить в семнадцать с половиной лет.

Один раз она снялась для упаковки быстросмываемой цикламеновой краски. Но цикламен мне не нужен.

«Дайте стойкий красный». Мои темно-русые волосы придется сначала безжалостно высветлить. Для этой цели мы

взяли одну пачку с белокурой валькирией. Под стеклом у кассы лежали помады неестественных цветов. Я купила синюю с блестками – красить глаза вместо теней. А Наташка фиолетовую. Ей она будет мазать свои хищные губы.

– Ну что, теперь погнали в парикмахерскую стричься? – улыбнулась Наташка. Я кивнула. Мы вышли на проспект, и я привычно подняла руку. Автостоп давно стал нашей религией. Иногда мы ловили машину, потому что у нас не осталось денег на проезд в автобусе. Иногда забавлялись от скуки, прося отвезти на улицу пятого мартабря за несколько тугриков.

Я могла просто тормозить машину и спрашивать у водителя всякую дичь, пока Наташка корчилась у обочины:

– Расслабиться не хотите?

И если мужик отвечал, что хочет, то следовал простой ответ:

– Так купите слабительное!

Никто не обижался – ну что возьмешь с двух малолеток.

Вдалеке что-то мелькнуло серебристым отсветом. Когда подъехало ближе, оказалось «Мерседесом» с наглыми прямоугольными фарами. Я открыла дверь.

– Подбросите до Индустриального проспекта?

– Конечно, девчонки, садитесь!

За год он совсем не изменился. Те же очки-авиаторы с прозрачными стеклами в тонкой золотой оправе. Короткие темные волосы с проседью, легкая небритость. Тот же уве-

ренный, но теплый голос. И нежные небольшие губы, которые сообщали его лицу некоторую мягкость. Из коротких белых рукавов рубашки торчали загорелые руки.

Он не узнал нас, пока я не напонила.

«Помните, год назад...»

«Ах, да, точно! Вы тогда мне дали какой-то левый номер».

Прошлым летом на Индустриальном проспекте, куда он везет нас сейчас, мы тоже ловили машину. Стоял горячий пыльный день, блестящий в стеклах домов. Свободный ветер прошивал проспект насквозь, гулял между наших рук и ног, трепал волосы. Нам нужно было на Финский залив, но на метро ехать не хотелось.

Вдруг так же издадека вспыхнуло, заблестело серебром. «Мерседесы» нам попадались нечасто. Открылась дверь. Там сидел он и с улыбкой смотрел на нас, пятнадцатилетних девчонок в легких сарафанчиках и сандалиях на босу ногу.

Наташку я посадила вперед, а сама села сзади. Он сразу начал шутить:

– Девчонки, не боитесь, что я какой-нибудь маньяк?

– Нет, я села назад специально и, если что-то пойдет не так, дам вам по башке. Закурить можно?

Разговаривать легко и непринужденно у меня получалось, только когда мы ездили автостопом. Будто выходя на трассу, поднимая руку, а затем садясь к незнакомцам в разные авто, я полностью меняла свою неприметную судьбу. И надевала чужую личину, которая отличалась некоторой нагло-

стью и самоуверенностью.

– Пожалуйста, курите.

– Наташка, дай зажигалку.

Я достала из пачки две сигареты, прикурила обе и одну отдала ей. Открыла окно, чтобы стряхивать пепел на улицу. Радио пело «и каждый день встречать рассвет, как будто вам семнадцать лееет!».

Он повернулся и посмотрел на меня через бликующие стекла очков каре-зелеными глазами. Я выпустила дым и улыбнулась.

– Куда едете?

– На пляж, который на Приморской. Знаете?

Он знал не только это. Работа такая – весь день колесить по улицам. Его фирма занималась дорожными работами, и он катался между объектами, проверял, как работают люди, доставал асфальт, попутно улаживая кучу разных мелких дел, в том числе и личных. В тот день у него как раз выдалось свободное время. Мы впервые ехали через весь город вот так, с совершенно чужим, не одобренным родителями человеком. Промчались мимо моего лица и «Лесной», въехали по незнакомому мосту на Петроградскую. Все было залито вокруг радостным солнцем. Юра, так звали нашего знакомого, весело бибикал прохожим. Особенно юным девушкам в коротких юбках.

– Только на заправке не курите, хорошо? – предупредил он нас, выходя из машины, пока мы с Наташкой весело пе-

реглядывались.

Наш новый знакомый оказался крепко сбитым мужчиной небольшого роста. На пляже он не разделся, только полулежал на песке и аккуратно как бы ощупывал нас короткими взглядами.

Была в нем какая-то расслабленность, но при этом сила и уверенность в себе. Красотой не поражал, но был харизматичен и привлекателен. Иногда без предупреждения начинал читать похабные стишки, но это выходило у него забавно и даже мило.

Мне нравилось, как он смотрел. Так, словно хочет нас и при этом ничего предлагать не собирается.

Пока мы раздевались, небо посерело, укутав веселое солнце в дымчатую шаль. Волны потемнели и недовольно накачивались на красноватую полосу берега.

Мы с Наташкой бросались в эти волны, и сквозь бурлящую ткань воды я высматривала больших белых акул, которых рисовало воображение, раздутое грошовой книжкой из детской библиотеки. Из нее я узнала неприятные подробности. Акулы могут жить в минусовой температуре. Иногда они заплывают и в пресные воды. Акулы охотятся возле берега. А там цап-парацап – и нет ножки.

Чудовищные челюсти уже вот-вот вырастали из илистого песка на дне, и что-то больно впивалось в ногу – просто кусок арматуры, но я выскакивала из воды поцарапанная и со сладким ужасом снова бросалась в темную, таинственную

воду.

Юра сидел на блеклом песке. Как хорошо было бы, если бы он вошел в эти воды и ловил меня, обнимал руками, коричневыми от солнца...

Он довез нас до дома и спросил телефон. Наташка дала номер нашей одноклассницы. Она больше не хотела его видеть.

Но вот через год мы снова встречаем его, и я совсем не удивлена. Кажется, мы должны были встретиться снова. Теперь мы подъезжаем к моему дому. Я склонна видеть в этом некий символизм.

Когда я вышла из машины, на моей правой босоножке с глухим звуком сломался каблук. Юра вышел вместе с нами:

– Может быть, сдадим их в ремонт?

– Нет, я все равно ненавидела эти босоножки.

Я подошла к ближайшей помойке и бросила их туда.

Мы стояли у парикмахерской, которая была вделана в подъезд моего дома ценой двух месяцев чудовищного грохота. Зато теперь там можно было недорого подстричься. Меня упорно не хотели стричь под мальчика и всегда оставляли странный треугольник из волос сзади, мотивируя это некой мифической необходимостью.

Наташка дергала меня:

– Давай уже скорее, а то родки потом придут, и не успеем.

Мы должны были после стрижки пойти к ней и провести

окрасочные манипуляции на моих волосах.

– Давайте, девчонки, теперь я дам свой номер.

Юра протянул мне визитку с номером из семи цифр. Я взяла ее, и у него зазвонила трубка. Это был мобильный телефон с небольшой антенной. Мы и мечтать о таком не могли. Он быстро что-то ответил и сказал, глядя мне в глаза:

– Звони.

Обычно я люблю приукрашивать. Мне бы очень хотелось сказать, что в этот момент солнце треснуло и брызнуло вниз миллионом осколков, а деревья склонились над нами и птицы разноголосно запели в ветвях. Но ничего этого не произошло. Просто хлопнула дверь, и машина, взревев, умчалась, оставив нам только клубы пыли из-под колес. Но я знала, что позвоню. Знала, что сразу запомню его номер, хотя никогда никакие цифры не запоминаю. Поэтому, когда заскучавшая Наташка выхватила у меня из рук визитку и отправила ее в помойку вслед за босоножками, я не стала возмущаться. Я хотела убедить себя в том, что так мне будет проще никогда не встречаться с этим обаятельным мужиком на «мерсе». Что я забуду его номер.

Но все то время, пока стригли мои волосы и мы перешучивались о том, что я не люблю обувь, поэтому всегда и всюду до самой зимы хожу босиком, все время, пока мы дома у Наташки мазали мою голову осветляющим составом, а он ужасно щипал и даже чуть-чуть резал глаза, я ощущала странную наполненность в области сердца.

Я мыла волосы ледяной водой — горячую внезапно отключили. Ходила с Наташкой курить на балкон перед тем, как намазаться красным. Говорила с ней о чем-то, но все время ощущала, что до этого дня я была одинокой деталью пазла, а сейчас мне нашлось место в интересной и цельной картине. И хотя пока было совершенно не разглядеть, что это за картина, я чувствовала, что очень скоро я об этом узнаю. Его «звони» билось в голове, хотя иногда мне начинало казаться, что он вовсе и не говорил этого. Казалось, что мне померещился его взгляд, полный темного глухого желания.

Наташка тем временем позвонила Жене на белом «Опеле», с которым мы познакомились накануне, и договорилась встретиться с ним ранним утром.

* * *

Мы летели сто восемьдесят километров в час сквозь розово-оранжевое утро.

— Давай, давай, еще быстрее! — кричали две веселые дурынды. Я сидела впереди и, высунув руку из окна, ловила теплый ветер. Деревья уже не мелькали, а сливались в одну зеленую дымчатую кашу.

— Девчонки, больше тачка не выжмет, она все-таки на газу, — оправдывался молодой человек.

Женя изо всех сил старался быть милым. Это был аккуратненький, ладный парень небольшого росточка. Слож-

но было сказать о нем что-то определенное, выделить какие-то особенные черты, потому что особенного в нем не было ничего. Серые глаза, темно-русые волосы, работает прорабом на стройке, но выглядит интеллигентно. Не матерится и не курит, но нам при нем можно. В ларьке он купил нам несколько бутылок пива, конфеты и мясную нарезку на закуску.

На мне короткая юбка и майка с принтом из британского и американского флагов, смешавшихся в винегрет. Мы купили ее на Апрашке с мамой, когда, обнаружив внезапную платежеспособность, она поняла, что пора обновить мой гардероб. Так я обзавелась кучей нового тряпья, в том числе мини-юбкой и короткими, почти непристойными джинсовыми шортами аберкромби.

У нас нет никакого плана, мы просто едем за город, куда-то в сторону Саблина, где обитал Наташкин любовник Колюня. Спрашиваем у местных, где речка, и наконец находим милое место – темная вода, одетая в зеленые шерстяные берега, нежный луг и никого вокруг.

Женя расстелил у машины какую-то застиранную махровую подстилку и поставил на нее пакет. Мы с Наташкой бросились к воде. Купальники не взяли, поэтому просто скинули одежду и полезли в теплую воду.

– Эй, Женя, иди к нам! – закричала я.

– Я попозже, девчонки!

На берегу мы снова оделись и сели пить пиво. Неподале-

ку остановилась еще одна машина, и Наташка пошла бродить в ту сторону. Я подумала, что она ждет явления каких-нибудь крепких кавказских мужчин. Наташка явно скучала с Женей и не собиралась с ним мутить. Значит, он достанется мне.

– У тебя очень красивое имя.

Женя показал мне небольшое бревно, на котором он крупными печатными буквами старательно вырезал мое фальшивое имя «Карина».

Я часто так представлялась незнакомцам. В нашем с Наташкой классе училась толстая девочка Карина с плотной лаковой челкой, прилипшей ко лбу. Она сразу меня невзлюбила и постоянно изводила. Но к концу девятого класса мы вроде как примирились. Ее имя мне всегда очень нравилось. Оно-то совсем ни в чем не виновато.

Иногда, помимо имени, я также выдумывала, что учусь на психолога в институте, делая при этом «умное» лицо. Мне нравилось примерять чужую жизнь, хотя актриса из меня никакая.

– Да, меня так отец называл, – зачем-то сказала я. – Пойдем уже купаться.

Я взяла Женю за руку и повела к воде. Снова скинула всю одежду, а он остался в плавках. В воде он притянул меня к себе и крепко обнял.

– Черт, я не могу теперь выйти на берег. И все из-за тебя.

– В чем же дело? – притворно удивилась я.

– Ты прекрасно знаешь в чем.

Меня забавлял его член, выпирающий из плавок. Кажется, мы просидели в воде довольно долго, потому что на берегу периодически появлялись разные персонажи и мне было вроде как неудобно выходить при них на берег. Наконец Женя вышел и принес мне ту самую махровую подстилку, на которой мы сидели. У нас даже не было полотенец. Мы просто натягивали майки с трусами и сохли на солнце, как кошки.

Наташка тоже внезапно явилась, вынырнув из-за какого-то куста, которого я раньше не замечала.

– Че-то мне херово, ребята. Похоже, у меня температура, – пожаловалась Наташка.

Пока мы купались, она шлялась по поселку и пила холодную воду из колонки. Мы отвезли Наташку домой, откуда она в тот же вечер загремела в инфекционку на две недели. Оказалось, подцепила кишечную палочку. Об этом мне рассказала потом ее мама по телефону.

– Поехали ко мне, – попросил Женя. Он явно находился под впечатлением от купания. Делать дома было нечего, я знала, что там сейчас царит пьяная мать.

– Ок.

Мы долго ехали мимо индустриальных районов, облизанных вечерним питерским солнцем с его особым медовым оттенком, и разговаривали о какой-то ерунде. Женя купил нам по бутылке пива «Миллер» и пил прямо за рулем.

Неподалеку от его дома мы зашли за мороженым и «Мар-

тини».

Все время, пока он трудился над моим податливым и механически страстным телом, я почему-то думала о Юре и его загорелых руках. О его внимательном, оценивающем взгляде. И это заставляло меня все яростнее откликаться на ритмичные движения Жени. Номер Юрино телефона красными цифрами пульсировал у меня в голове. Утром я вернулась домой и позвонила ему.

Письмо

«Дорогой Юра.

Недавно ты спрашивал меня, как я потеряла невинность. Я ничего не ответила, но пообещала рассказать позже. Знаю, иногда выгляжу развязной, поэтому может показаться, что готова рассказывать обо всем. Но чаще всего я прячу за этим свою неловкость. Иногда даже некоторый ужас. К тому же мне всегда было гораздо легче писать, чем говорить.

Я часто делаю вещи, за которые, с одной стороны, стыдно, а с другой – совсем нет. Должна признаться, что никогда не делала из девственности культа. В детстве я смотрела сериал, в котором одна из героинь никак не могла заняться сексом со своим парнем. И даже когда она решилась на это, им что-то помешало. Я в такие моменты сильно негодовала: ну давайте уже, сколько можно ждать?

Мне было двенадцать, когда я узнала, что такое оргазм. Меня мучило сильное возбуждение, и благодаря

некоторым странным, но однообразным усилиям у меня получилось его сбросить. Это было настоящее сладкое откровение, смешанное с радостью и стыдом.

Меня всегда возбуждали даже незначительные сексуальные сцены, разговоры об этом и даже, что совсем странно, небольшие намеки на эротику. Но я поняла, что по-настоящему готова воплотить свои фантазии с мужчиной только в шестнадцать лет. Смешно, но я даже помню, когда у меня возникла мысль, что я вроде как уже готова.

В тот вечер я смотрела «Кикуджиро» Такеши Китано – трогательный роуд-муви про мальчика, который как раз таки был полностью лишен каких-либо намеков на секс. Наверное, я была под воздействием рассказов моей подруги Наташки.

Она уже полгода встречалась с парнем и рассказывала разные горячие подробности из своей интимной жизни.

В результате у меня все произошло просто и быстро в начале этого лета. В соседнем районе, на самой окраине, где начинался небольшой лесной массив, мы познакомились с веселой компанией. Она состояла из нескольких дружелюбных парней и пары не слишком выразительных девушек.

Они пригласили нас присесть за покосившийся пластиковый столик под выцветшим зонтом и выпить с ними пива. Ерзая на красных пластиковых креслах, мы пили, курили и болтали ни о чем под призывное грохотание попсы. В какой-то момент из-под стола

появилась пятилитровая канистра с коньяком.

Я пила этот коньяк, но странным образом почти не пьянела.

Мне просто было хорошо. Рядом сидел симпатичный парень со светлыми волосами. Даже брови у него были светлые.

– Может, прогуляемся? – наконец спросил он, склонившись к моему облезлому плечу, с которого упала красная бретелька майки. Накануне я сгорела и мазалась весь вечер кефиром по совету мамы.

Я посмотрела на Наташку. Она о чем-то шепталась с черноволосым парнем.

– Да, конечно, пойдете, – игриво поддержала она.

Когда мы крались под зелеными деревьями на чью-то квартиру, то немного отстали от парней и выяснили друг у друга, насколько мы пьяные. Оказалось, что не очень. Я точно вполне могла отвечать за свои действия. Только в голове было пусто, как в заброшке.

В квартире Наташка со своим парнем сразу пошла в комнату, а я целовалась на кухне со светловолосым. Никакого возбуждения у меня не было. Я совсем его не хотела. Просто мозгом поняла – это должно случиться здесь и сейчас. Такое обычное будничное решение. Вроде я хочу подстричь волосы. Или надеть новую юбку.

Он повел меня в спальню и положил на постель. Надел презерватив и попытался вставить, но это получилось не сразу. На заднем фоне играла

«Дисотека Авария» – «Если хочешь остаться...».

Я наблюдала за его действиями как бы со стороны, с интересом биолога, смотрящего на новую форму жизни. «Это происходит сейчас, со мной, – думала я. – Теперь стану взрослой».

– Ты целка, что ли? – удивился парень, вытаскив из меня окровавленный член.

– Похоже, уже нет, – просто ответила я.

Эта кровь была подтверждением. Возможно, тебя шокирует мое отношение. Моя преступная беспечность по отношению к собственному телу. Но я никогда не видела в этом чего-то сакрального. Хотя теперь в какой-то мере жалею об этом и виню себя.

Но я хочу, чтобы ты знал: все это было до встречи с тобой. Потому что только с тобой я узнала, как это бывает, когда ты целиком и полностью желаешь только одного человека. Когда тебе хорошо просто от того, что ему хорошо.

И знаешь, я считаю, что настоящий мой дефлоратор – это ты. У нас же тоже в первый раз было с кровью. И мне легко представить, что вышла она из меня из-за того, что ты прорвал тонкую пленку моего нутра и сладостно подчинил себе. В наш первый раз я не испытывала настоящего удовольствия. Но я по-настоящему хотела тебя, меня сводили с ума твои руки и взгляд, полный желания. Твоя легкая небритость, терзающая мое лицо. Я желала отдаться тебе и чтобы ты получил наслаждение

со мной. Поэтому смиренно лежала на заднем сиденье твоего авто и смотрела на летящий высоко-высоко самолет, который оставлял на небе белую, быстро исчезающую царапину. И потом, когда мы вышли из машины, – ты вытирал член от остатков моей крови, – я увидела невинное семейство, выпавшее из соседних кустов. Они с ужасом взирали на нас, а я испытывала смешанное чувство стыда и смутной удовлетворенности. Так, словно мы скрепили важную сделку.

Пожалуйста, прости, если все звучит чересчур наивно. Я где-то слышала, что женищина привязывается к своему первому мужчине, влюбляется в него без памяти. Но я неправильная женищина. Я считаю, что мой первый мужчина – это ты. Давай вычеркнем все, что было до этого, из моей биографии. Потому что я для себя все это уже вычеркнула. Отныне я хочу принадлежать тебе и только тебе.

Р. С. Думаю, что никогда-никогда не отдам тебе это совершенно идиотское письмо».

Глава 4. Песня о желании

Я сказала ему, что люблю, когда мы впервые ехали к нему домой. Семейю он отправил на выходные на дачу. В приоткрытое окно авто залетали маленькие капли дождя и ложились на мои руки. В груди билось что-то теплое и сладкое. Я смотрела по сторонам, курила и пьянела от вымытого дождем воздуха, от его волнующей близости.

– Юра, я, кажется...

– Ммм, что?

Он сосредоточенно смотрел на дорогу. Мы ехали по Петроградке. По обе стороны улицы стояли симпатичные старые дома с бледно-желтыми и коричневыми фасадами, с круглыми окнами под самыми крышами.

– Люблю тебя.

Закончила наконец я свою мысль.

– Правда?

Он улыбнулся, посмотрел на меня и, держа руль левой рукой, правой прижал к себе и поцеловал в макушку:

– Спасибо тебе.

Линии проводов перерезали пухлое серое небо. Дождь перестал, и солнце кое-где робко выглядывало из прорех.

«Пустота... Летите, в звезды врезываясь», – вспомнилось.

Капли дождя на моих глазах. Он не сказал в ответ, что

любит. Но, странным образом, мне это и не нужно. Достаточно его объятия и улыбки, запускающей вплавь маленькие морщинки вокруг удивленных глаз.

Мы зашли в его квартиру. Высокие потолки. Налево кухня, направо комната. Его спальня. Их спальня. У стены стоял огромный шкаф. На одной из полок лежала стопка его белых маек. Ю. пошел на кухню. Пока он хлопал там дверцей холодильника, я быстро стянула свою одежду вместе с трусами и надела его майку. Она только чуть-чуть прикрывала попу. Пошла на кухню.

– Ну как, можно я буду так ходить?

Ю. посмотрел на меня туманными карими глазами.

– Девочка моя.

Притянул меня к себе и стал гладить ноги, при этом ласково приговаривая:

– Ты такая прелесть.

Я поцеловала его в лоб. Он усадил меня на колени и налил в стопки холодную водку:

– Выпей.

Я послушно взяла стопку и опрокинула в себя. Горячая острая вода обожгла нежное горло. Я поморщилась. Ю. пододвинул мне тарелку. Там лежали нарезанные огурцы, помидоры и что-то мясное. Я поспешно запихнула все это по очереди в рот и некоторое время задумчиво жевала.

Мир поплыл, зажигая сладкие огни желания. Из кухни можно было выйти в другую комнату и, встав с его колен,

я пошла осматривать квартиру. Дальше была еще одна комната, а за ней спальня. Где мы наконец упали на кровать, и он быстро стянул с меня майку.

Ю. ласково смотрел на меня обнаженную, целовал грудь и живот, гладил загорелыми руками. Мне казалось, что я плавлюсь и от меня ничего не остается. Так хотелось, чтобы и он расплавился вместе со мной и мы плыли по реке времени, слившись в одно, не имея больше никаких различий.

Лежа в его объятиях, я наконец почувствовала, что в безопасности. Дома я часто ощущала напряжение. Иногда я по-настоящему боялась пьяную маму. Ее внезапные шепоты и крики. То, как она иногда бормотала в темноту, споря с кем-то невидимым. В такие моменты казалось, что мою любимую мамочку похитил злой демон и, надев ее личину, издевается надо мной.

Но сейчас все страхи отступили перед золотистым нежным счастьем любви.

* * *

В сентябре я пошла в лицей на второй курс, и милый Юра решил, что нам с девчонками стоит отпраздновать. Стояла осень, похожая на томительный, тайный отблеск лета. Не верилось, что время безделья закончилось.

По утрам солнечный свет раскрашивал все в светло-оранжевые оттенки. Вечером город погружался в сиреневую дым-

ку и пряно пахло холодным морем.

Первого сентября Юра забрал меня из лица и повез в «Окей». Я выложила на ленту литр водки, две стопки пластиковых стаканчиков и двухлитровую пачку персикового сока.

– Праздник оплачивает он, – показала я на Юру, когда кассирша подняла на меня усталые глаза.

– А теперь куда мы?

– В одно место надо заехать.

Я была не против. Мне очень нравилось кататься на машине. Мы ехали по Петроградке: солнце весело плясало в витринах. По узким улочкам мимо старинных каменных стен двигались разноцветные фигуры. Мы подъехали к ярко освещенному магазину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.